

Сергей ОВЧАРЕНКО,
Евпатория

МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ

Убитого мной первого врага
Мне не забыть. Стелился дым по лугу,
Горели подожжённые стога...
Мы шли неумолимо друг на друга.

Хрипел «В атаку!» взводный командир...
С тех пор уже прошло почти полвека,
Но помню, как притих вокруг нас мир,
Ведь я убить был должен ЧЕЛОВЕКА.

Бессмертники. Рисунок Вл. Предатько.

Наверное, его любила мать
И за него молилась каждый вечер,
Но он хотел меня завоевать
Тот рыжий немец, шедший мне
навстречу.

Я помню, как кривил ухмылкой рот
Противник мой, он явно не был трусом,
Как лезвие штыка ему в живот
Вошло с каким-то непонятным хрустом.

Как он по-бабьи тоненько кричал,
Захлёбываясь выступившей пеной,
А я, пацан, не выдержав, блевал,
Чужою кровью пачкая колени.

Потом был Курск и Вислы берега,
Мы становились опытней и старше,
Но ясно помню первого врага
И как его убить мне было страшно.

РАЗГОВОР

В майский полдень, в тишине сонливой
Разморило госпитальный двор,
Лишь в курилке под цветущей сливой
Слышался негромкий разговор.

Разводить обычно тары-бары
Под по кругу пущенный кисет
Некогда. Хлопот у санитаров —
Посидеть и то минутки нет.

Но на фронте третий день затишье,
Можно обсудить за табачком,
Что кому жена из дома пишет
И какой приказ отдаст Главком.

— Скоро ли союзник фронт откроет?
— Новостей не слышно там, браток?..
— Посмотри, как пчелы вьются роем,
Славный будет осенью медок!..

— Мёд гречишный у моей старухи
Первым все считали на селе!..
Мочи нет! Истосковались руки
По работе мирной на земле...

— Скоро в наступленье! Кроме шуток!
Писарь говорил, куда верней!..
Сизый дым ядрёных самокруток,
Кучерявясь, таял меж ветвей!...

Солнце полыхало летним жаром,
Орудийный громыхнул раскат...
Снова будут в деле санитары —
Ангелы-хранители солдат.

А пока же в тишине сонливой
Пусть подремлет госпитальный двор,
И в курилке под цветущей сливой
Пусть идёт душевный разговор.

ЖУРАВЛИНОЕ СЧАСТЬЕ ВОЙНЫ

Сквозь дымы и пожарища адские
Всё летят по просторам страны
Треугольные письма солдатские —
Журавлиное счастье войны.

Где ж вы были? Заждались вас матери
В веренице бессонных ночей,
Уж давно накрахмалены скатерти
Для приёма желанных гостей.

Дед в залатанных стареньких валенках
День-деньской, опершись на дрючок,
В ожиданье сидит на завалинке,
Глядя в даль: не идёт ли внучок?

Ах вы, белые письма-журавлики!
Вы в каких затерялись краях?
Неужель все Ванюшки да Павлики
Полегли на кровавых полях?

Принесите хоть малую весточку,
В ней — три слова: «Я, мама, живой!»
Нет известий, и сына невестушка
Овдовела, не побыв женой.

И хранится в углу за иконою,
Над лампадкой (Нет места светлей!)
Вместе с мужниною похоронкою
Фотография двух сыновей.

Охрани же сынов, Богородица!
Дай им силу родимой земли,
Сделай так, чтоб, как исстари водится,
Возвратились домой журавли.

ОТЦОВСКИЙ ОРДЕН

*Светлой памяти моего отца,
гвардии старшего сержанта
Овчаренко Георгия Васильевича,
посвящается.*

Под Прохоровкой жарким летним днём
Горели танки, солнце скрыла копоть —
Всё заливая болью и огнём,
Военный бог творил свою работу.

И совершала смерть кровавый путь,
И собирала души в белый полог...
Железным пальцем ткнул солдату в грудь
Её посланец — маленький осколок.

Но на пути металла встал металл,
Была в тот день фортуна не сурова,
На землю в одуванчики упал
Кусок эмали, словно капля крови.

Немного вправо, влево, повезло —
Смерть ледяным прошелестела ветром...
Давно вдали осталось то село,
Где жить — не жить решали миллиметры.

Как выданный на жизнь судьбою ордер,
Как самую надёжную защиту
Храню в шкатулке я отцовский орден,
С зубцов его эмаль осколком сбита.

* * *

*Жителям деревни Лаки —
крымской Хатыни*

Остановись! Здесь руки из земли
Деревья тянут с просьбой о защите,
И огненные маки в спелом жите
Кровавыми губами проросли.

Здесь васильками детские глаза
Глядят в глаза твои с немым укором,

И в траурный мотив за косогором
Вплетает громы летняя гроза.

Какой же тут весёлой жизнь была!..
Но голосов людских не слышно боле...
В сорок втором легли на этом поле
Все жители сожжённого села.

СТАРЫЙ ДВОР

Как поживаешь, старый двор,
Войной нещадно битый?
У нас был твёрдый уговор
Сойтись здесь после битвы.

Когда позвал военкомат,
В последний мирный вечер,
Не помню, кто-то из ребят
Заговорил о встрече.

Мы клятве дружеской верны,
Добравшись до рейхстага,
Решили вновь после войны
Собраться всей ватагой.

Но пал в лесах Карпат Валёк
Отважным комиссаром,
Дружок Володька в землю лёг
Под Секешфехерваром.

Направил в эшелон, горя,
Свой штурмовик Егорка,
Убиты Димка и Илья
Во рву на Красной горке.

И я друзей не пережил,
Идя путём военным,
Геройски голову сложил.
В боях за город Вену.

И всё ж ты жди нас, старый двор!
Не спи в ночи, а слушай...
К тебе исполнить уговор
Вернутся наши души!

7 МАЯ 2014 ГОДА В НАЗАРЕТЕ

Борису Серману

Безногий музыкант у храма в Назарете
Наигрывал мотив, такой — что в горле ком.
На стороне чужой, в другой частичке света
Играет гармонист «В лесу прифронтовом».

В коробочку ему кто евро, а кто — доллар,
Кто шекель даст, иной кладет и сотню лир...
Он всех благодарит и, вдохновенья полный,
Ответом выдает гармони перелив.

С достоинством глядят со стен святые лики,
Рассказывает гид серьёзно о былом...
И слышно: за стеной огромной базилики
Играет гармонист «В лесу прифронтовом».

Берёз тут нет совсем, но пальмы есть повсюду,
Оливы, эвкалипт — восточный колорит...
В округе всё цветёт, и дерево Иуды,
Как майская сирень, сиреневым сорит.

Гид двигает вперед, плывём за нею следом.
Крута толпы волна, что впору брать весло.
А сзади гармонист играет «День Победы»,
Ведь через пару дней — девятое число!